

ЛЮБОВЬ И ПРЕКЛОНЕНИЕ

Игорь ИЛЬИНСКИЙ,
народный артист СССР

Я играл в пьесе Толстого «Власть тьмы», поставленной Малым театром. У меня была роль Акима. Читал я на сцене и с телеэкрана и толстовскую прозу — отрывки из «Детства» и «Отрочества». И вот недавно сыграл самого Льва Николаевича Толстого в спектакле «Возвращение на круги своя» И. Друцэ в постановке Б. Равенских. Теперь могу сказать: актер, который соприкоснулся с Толстым на сцене, не может остаться прежним, человеческая суть его меняется. В работе над произведениями великого писателя я это почувствовал, а играя на сцене его самого — глубоко и ясно осознал. Во мне менялось отношение ко многим вещам, зарождались и крепились убеждения, которых придерживался сам Толстой, — скорее всего они и раньше были в моем сердце, но как бы еще не «проросли».

Мы все стараемся воспитать в себе внутреннюю порядочность, но не всегда ей следуем, порой слишком глубоко ее прячем, кривим душой. С Толстым, на мой взгляд, этого быть не могло. Для него не существовало внутренней порядочности без полного прямодушия — всегда, во всем. Когда я чи-

тал пьесу «Возвращение на круги своя», когда искал зерно образа, меня больше всего поражало именно прямодушие, с которым Толстой высказывал свои мысли, — оно невольно заставляло и меня мерить свою жизнь той высокой мерой, которой мерил себя Толстой.

«Истинное знание самостоятельно». Это его слова. И они многое мне открыли. Их можно отнести и к искусству. В частности, к нашему, актерскому. Истинное знание человека, которым ты должен стать на сцене, — это глубокое проникновение в его характер — когда стараешься этого добиться, тут-то и убеждаешься, что истинное знание самостоятельно. Я почувствовал, как много потерял за то время, когда удовлетворялся меньшей глубиной, когда строил роль на внешнем рисунке.

В работе над образом Льва Николаевича самым трудным для меня было выразить его мудрость, показать в нем великого учителя, но и выразить его смех, его гнев, его радость, это тоже было трудно. Пробовал играть и так, и этак, но все казалось — нет, не Толстой. И вот во время таких поисков я вдруг почувствовал,

что и гнев, и мудрость Толстого могут быть выражены силой его молчания. Но показать ее можно было, только найдя внутреннюю опору этого человека, его «я есмь», его самоощущение в этом мире — тогда и я мог смотреть на все внутренним оком Толстого. Поиски этого ощущения были куда важнее, чем пробы различных интонаций голоса.

Внутреннее око генерального писателя... Как понять, какое оно? Помог мне сам Толстой — созданные им произведения. На всю жизнь произвела на меня впечатление притча Толстого «Дедушка и внушек». Я узнал ее, когда мне было четыре года, я помню ее и сейчас, в семьдесят семь. Сколько мудрости и доброты должно было быть у человека, написавшего ее! И эта притча, и небо Аустерлицы, которое видел раненый князь Андрей, и возродившийся весной дуб, описанный в «Войне и мире», и смерть Пети Ростова — помните, как известие об этом было принесено старикам Ростовым?! — и приход Наташи к умирающему в избе Андрею Болконскому — все это сыграло главнейшую роль в моем воспитании, в формировании моих нравственных убеждений, в моем понимании прекрасного в жизни и в искусстве. Играя на сцене человека, который все это сочинил, я жил созданными им образами, и они всегда незримо были со мной. Беззаветная любовь к Толстому помогала мне в работе. Преклонение перед его добротой.